

354

КЪ ИСТОРИИ УМАНСКОЙ РЪЗНИ

1768 г.

(Читано въ Историко-филологическомъ Обществѣ при Нѣжинскомъ институтѣ).

И. В. Галанта.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул. д. № 4-й
1895.

КЪ ИСТОРИИ УМАНСКОЙ РѢЗНИ

1768 г.

*(Читано въ Историко-филологическомъ Обществѣ при Нѣ-
жинскомъ институтѣ).*

И. Ѳ. Галанта.

ОТТИСКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА „КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.
1895.

Дозволено цензурою. Київъ, 15 Ноября 1895 года.

2007063191

КЪ ИСТОРИИ УМАНСКОЙ РѢЗНИ 1768 Г¹).

(Читано въ Историко-филологическомъ Обществѣ при Нѣжинскомъ институтѣ).

Слезами и кровью написана исторія еврейскаго народа со времени потери имъ своей политической самостоятельности. Втеченіе 18 столѣтій жизнь этого народа представляетъ собою непрерывную Одиссею, безконечный мартирологъ, цѣпь жгучихъ страданій, одно мучительнѣе другого. Правда, жизнь евреевъ въ первые вѣка христіанства изобилуетъ свѣтлыми, отрадными фактами, свидѣтельствующими о томъ, что и израиль вѣдалъ лучшіе дни, что и съ нимъ обращались по человѣчески. Но за то съ наступленіемъ эпохи Крестовыхъ походовъ для евреевъ настали очень горькія и тяжелыя времена. При господствѣ въ то время грубого невѣжества и фанатизма, разъяренная чернь, увлекаемая и разжигаемая какимъ-нибудь фанатикомъ вѣры или просто злоумышленникомъ, желавшимъ поживиться насчетъ евреевъ, расправлялась съ этими послѣдними самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. Стоило только какому-нибудь фанатику или ловкому прощальгѣ взвести на евреевъ какую-нибудь небывлицу, обвинить ихъ въ несуществовавшихъ преступленіяхъ и направить на нихъ невѣжественную толпу, и горько тогда доставалось несчастнымъ евреямъ. Находилось ли государство подъ гнетомъ страшнаго бѣдствія; явилась ли повальная эпидемія, уносившая сотни и тысячи несчастныхъ жертвъ; вспыхнулъ ли стихійный пожаръ, превратившій цвѣтуція селенія въ печальныя

¹) Печатаю эту статью, дѣлаю, съ согласія автора, свои примѣчанія.—Ред.

развалины; случился ли голодъ со всѣми его ужасными послѣд-
ствіями: никогда въ такихъ случаяхъ не доискивались истин-
ныхъ причинъ несчастья, а всюду и во всемъ видѣли продѣлки
евреевъ и они то были козлами отпущенія. Поэтому, на любой
страницѣ исторіи евреевъ въ западной Европѣ глазамъ нашимъ
представляются душу раздирающія картины массовыхъ изгнаній,
поголовныхъ избіеній, конфискацій имущества и возмутительнаго
грабежа. Одна только Русь представляетъ въ этомъ отношеніи
относительно счастливое исключеніе. Не смотря на то, что евреи
проникли сюда при первыхъ Рюриковичахъ, а, быть можетъ,
гораздо раньше еще, они не подвергались тутъ такимъ частымъ
преслѣдованіямъ и гоненіямъ, не испытывали тѣхъ физическихъ
мученій и нравственныхъ униженій, какія выпадали постоянно
на долю ихъ собратьевъ въ Западной Европѣ. Но, говоря это,
я отнюдь не думаю, что евреи на Руси наслаждались всегда
полнымъ благоденствіемъ, что жизнь ихъ протекала тутъ мирно
и спокойно и не была нарушена вторженіемъ буйной черни ¹⁾.
Я именно говорю относительно, потому что были такіе печальные
моменты въ жизни евреевъ на Руси, которые кровавыми буквами
занесены въ лѣтописи этого народа и при одномъ воспоминаніи
о которыхъ сердце содрагается и кровь въ жилахъ застываетъ.
Съ особенной рельефностью въ мартирологіи евреевъ на Руси
выдѣляются два такихъ момента, которые навсегда останутся
свѣжи въ памяти каждаго изъ нихъ и которые кровавымъ и
зловѣщимъ заревомъ освѣщаютъ темную, малоразработанную
исторію ихъ въ Россіи. Это были минуты, въ которыя на стра-
давшаяся и натерпѣвшаяся толпа расправляется со своими вра-
гами-евреями за вѣковыя обиды и мученія самымъ ужаснымъ
и невѣроятнымъ образомъ. Моменты эти извѣстны подъ назва-
ніемъ возстанія козаковъ подъ предводительствомъ Хмельницкаго

¹⁾ Первое свѣдѣніе нашихъ лѣтописей о гоненіи евреевъ относится къ 1113 г.,
когда, послѣ смерти В. К. Святополка, кіевляне разграбили дворъ притѣснявшаго
ихъ тысяцкаго Путяты и „идоша на жиды и разграбиша я“. Это нападеніе объ-
ясняется первымъ распоряженіемъ Мономаха, занявшаго вслѣдъ за тѣмъ княжескій
столъ: онъ, желая удалить причину волненія, собралъ мужей своихъ и порѣшилъ
общимъ совѣтомъ уменьшить росты. Соловьевъ II, 78—79. — *Ред.*

и движенія гайдамаковъ подъ начальствомъ Желѣзняка и Гонты, или такъ называемая коліивщина.¹⁾ Движеніе Хмельницкаго и положеніе при немъ евреевъ достаточно разработаны лучшими историческими силами у насъ и заграницей. За то исторія коліивщины долго вовсе не изслѣдовалась, но въ послѣднее двадцатилѣтіе очень посчастливилось исторіи гайдамачины. Въ теченіе такого въ сущности незначительнаго времени была открыта, разработана и издана масса документовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на считавшіеся долго темными и запутанными вопросы. Самый главный вопросъ о томъ, что вызвало на историческую арену печальное явленіе гайдамачины, вопросъ, возбуждавшій очень долго самую ожесточенную полемику между русскими и поляками, желавшими взваливать отвѣтственность за тяжесть совершенныхъ гайдамаками преступленій одна на другую, — вопросъ этотъ тщательно разработанъ и рѣшенъ съ честью для Россіи. Съ этой послѣдней снято теперь тяжкое обвиненіе въ томъ, что она, по словамъ польскихъ историковъ, изъ политическихъ соображеній принимала активное участіе въ дѣлѣ разжиганія народныхъ страстей, направленныхъ къ истребленію ненавистныхъ имъ поляковъ. Обнародованные по этому вопросу документы²⁾ самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываютъ, что Россія не только не брала подъ свое покровительство бунтовавшихъ гайдамаковъ, не только не поощряла ихъ притязаній, но учинила даже надъ ними самую жестокую расправу за всѣ совершенныя ими злодѣйства. Выяснено также съ очевидной убѣдительною, что гайдамацкія волненія не происходили на почвѣ экономическихъ неурядицъ, не были послѣдствіемъ тяжелаго матеріальнаго гнета, тяготѣвшаго будто-бы тогда надъ гайдамаками³⁾, а имѣли такъ сказать чисто духовный и религіозный характеръ⁴⁾. Это была жестокая и отчаянная борьба между пред-

¹⁾ Такое названіе событіе это получило потому, что гайдамаки сражались тогда длинными колями, что было ихъ главнымъ оружіемъ тогда. *А. Ю. З. Р. ч. I, томъ II.*

²⁾ „Кіевская Старина“, 1882 г.

³⁾ Переписка гр. Румянцева.

⁴⁾ Мы полагаемъ, что это положеніе автора не вытекаетъ изъ современной разработки давнаго вопроса; изслѣдованія о бытѣ крестьянъ (конечно не гайдама-

ставителями двухъ другъ другу ненавистныхъ исповѣданій, католицизма и православія, изъ которыхъ первое насильственно и грубо навязывалось послѣдователямъ другого ¹⁾). Установлено положительно, что гайдамаки были не шайка кровожадныхъ людей, жившихъ грабежемъ и разбоемъ, какъ это утверждалось раньше ²⁾, дѣйствовавшихъ безъ всякаго опредѣленнаго плана, но что они боролись за вполне опредѣленную идею, заключающуюся въ желаніи завладѣть Кіевскимъ воеводствомъ или, по крайней мѣрѣ, значительными частями его ³⁾). Теперь не подлежитъ больше сомнѣнію также и то, что событіе, совершившееся въ 1768 году и казавшееся какъ-бы отдѣльнымъ, ничѣмъ не связаннымъ ⁴⁾ эпизодомъ изъ жизни южно-русскаго народа, на самомъ дѣлѣ стоитъ въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ событій, происходившихъ въ предшествовавшія времена и подготовившихъ, такъ сказать, событіе 1768 г. ⁵⁾). Словомъ, главная причина, долго мѣшавшая безпристрастному и всестороннему выясненію запутанныхъ вопросовъ по исторіи гайдамачины и коліивщины, именно отсутствіе необходимыхъ документальныхъ данныхъ, на что въ свое время сѣтовалъ профес. Антоновичъ, теперь, благодаря обилію матеріала, обнародованнаго въ послѣднее время, вполне устранена, и гайдамачина такимъ образомъ принимаетъ уже цѣльный и опредѣленный характеръ и можетъ считаться вопросомъ рѣшеннымъ и закрытымъ. Но, если достаточно установлены причины и мотивы, вызвавшіе на свѣтъ Божій кровавую драму гайдамачины, то страшный эпилогъ этой драмы, знаменитая уманская рѣзня, которая въ исторіи массовыхъ народныхъ преступленій займетъ очень видное мѣсто, эпилогъ этотъ, говорю я, не достаточно

ковъ), по нашему мнѣнію, ясно указываютъ на то, что юридическое и экономическое положеніе крестьянъ было одною изъ важнѣйшихъ, хотя не единственною, причиною гайдамацкаго броженія.—*Ред.*

¹⁾ А. Ю. З. Р. ч. I томъ II.

²⁾ Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. ч. II.

³⁾ Шульгинъ. Очеркъ кол. по изд. и неизд. документамъ.

⁴⁾ Костомаровъ. Матеріалы для исторіи коліевщ.

⁵⁾ Уманскій сотникъ Иванъ Гонта.

еще изслѣдованъ, и въ этомъ отношеніи историки колившины не сказали еще своего послѣдняго слова. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ документовъ, заключающихъ въ себѣ описаніе уманской рѣзни, только одинъ написанъ очевидцемъ печальной катастрофы подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго ¹⁾. Остальные-же были составлены въ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени послѣ страшной рѣзни, и поэтому сообщенія ихъ, написанныя по воспоминаніямъ или по разспросамъ современниковъ и старожилловъ, (какъ напр. записки Павла Младановича, Липпомана, Мощинскаго и Тучапскаго), страдаютъ нѣкоторой неправдоподобностью и явнымъ противорѣчіемъ. Кромѣ того, одно изъ такихъ описаній принадлежитъ перу человѣка заинтересованнаго, придающаго событіямъ, предшествовавшимъ сдачѣ Умани, личный, тенденціозный характеръ. Я говорю о запискахъ Вероники Кребсъ, дочери бывшаго въ 1768 году Уманскаго губернатора Младановича, несомнѣннаго виновника гибели столькихъ невинныхъ жертвъ, котораго дочь, однако, всячески выдѣляетъ и защищаетъ, взваливая всю вину на бездѣятельность конфедератовъ и др. А между тѣмъ этотъ Младановичъ своей излишней довѣрчивостью Гонтѣ, своей абсолютной бездѣятельностью, мѣшавшей и другимъ что нибудь дѣлать на пользу обороны города, не мало способствовала овладѣнію непріателемъ Умани и происходившей тамъ рѣзни. Эта рѣзня, по своимъ ужасающимъ размѣрамъ, по обилію пролитой крови, по громадному количеству несчастныхъ жертвъ, ею поглощенныхъ, по страшной экзальтированной народной ярости, обнаруженной толпой и превосходящей всякія границы вѣроятности, такъ ужасна и потрясающа, что самые ничтожнѣйшіе и косвенные ея виновники должны быть тщательно отысканы и привязаны къ позорному столбу исторіи. И такъ обнаруженными до сихъ поръ описаніями уманской катастрофы не исчерпываются, по моему, подробности о взятіи Умани, не достаточно охарактеризована личность уманскаго губернатора, сыгравшаго такую печальную роль въ этой страшной трагедіи. Кромѣ того

¹⁾ Оп. бѣд., пост. Умань и Украйну. „Кіевск. Стар.“ 1882 г.

въ тѣхъ описаніяхъ не указано на одинъ пошлый и звѣрскій, его поступокъ, о которомъ рѣчь будетъ ниже и который впоследствии былъ отчасти причиной гибели его. Всякое новое историческое свѣдѣніе, непосредственно относящееся къ уманской рѣзни, заслуживаетъ быть обнародованнымъ. Вотъ соображенія, по которымъ я, не вдаваясь въ обсужденіе вообще причинъ, породившихъ гайдамацкое движеніе, рѣшилъ дать въ русскомъ переводѣ найденный покойнымъ магистромъ Гурляндомъ въ азіатскомъ департаментѣ и изданный послѣ его смерти написанный на еврейскомъ жаргонѣ документъ, относящійся къ исторіи коливщины ¹⁾. Авторъ мемуара, бывшій печальнымъ зрителемъ разыгравшейся уманской трагедіи, спасшійся отъ угрожавшей ему гибели, описываетъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго подробности уманской рѣзни, ставшей такой печальной для многихъ его единовѣрцевъ. Документъ этотъ поражаетъ очевидностью сообщаемыхъ имъ фактовъ и заслуживаетъ, по моему, большаго довѣрія, чѣмъ изданныя до сихъ поръ польскія записки, заключающія въ себѣ описаніе уманской рѣзни, такъ какъ онъ написанъ безъ всякихъ предвзятыхъ политическихъ тенденцій, а передаетъ только факты, какъ они происходили, не придавая имъ своей собственной, личной окраски. При этомъ онъ освѣщаетъ нѣкоторыя запутанныя подробности, предшествовавшія сдачѣ города. Авторъ мемуара, нельзя сказать, чтобы отличался мастерствомъ изложенія и умѣніемъ обрисовывать предметы яркими и рѣзкими чертами; мемуаръ его уснащенъ массою излишнихъ подробностей и повтореній, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ ничего не выпускать и держаться, на сколько это возможно, буквального перевода. Надѣюсь, что всѣ интересующіеся исторіей коливщины обратятъ на этотъ документъ должное вниманіе и прочтутъ его съ нѣкоторымъ интересомъ. Въ заключеніе я долженъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ на еще одинъ пробѣлъ въ исторіи гайдамачины, который заслуживаетъ быть пополненнымъ. Я говорю о полномъ игнорированіи изслѣдователями этой эпохи вопроса объ участіи евреевъ въ дѣлѣ

¹⁾ Лежеротъ Гагзеротъ Визранъ. Гурляндъ Одесса.

подготовленія гайдамацкихъ волненій на Украинѣ. Дѣйстви-
тельно, въ то время, какъ о дѣятельности евреевъ въ подготов-
леніи движенія Хмельницкаго написано довольно много, тотъ же
самый вопросъ о роли евреевъ передъ гайдамачиною обойденъ
полнѣйшимъ молчаніемъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ, кажется,
никакихъ болѣе или менѣе явныхъ указаній на тлетворное
вліяніе, на предосудительные поступки евреевъ по отноше-
нію къ гайдамакамъ. Даже главный виновникъ гайдамацкихъ
звѣрствъ, разжигавшій расходившуюся толпу, Мотренинскій
архимандритъ Мелхиседекъ Значко Яворскій, въ своихъ жа-
лобахъ и ляментацияхъ на угнетеніе православныхъ и пра-
вославной церкви со стороны поляковъ, о евреяхъ почти
и не говоритъ ¹⁾. А между тѣмъ было-бы въ высшей сте-
пени желательнымъ выясненіе вопроса о томъ, понесли-ли
евреи свое страшное наказаніе при движеніи гайдамаковъ за-
служенно, какъ по крайней мѣрѣ при Хмельницкомъ, или они
въ данномъ случаѣ были только бѣдными *Макарами* за чужіе
грѣхи, за грѣхи польскіе. Извѣстно только то, что положеніе
евреевъ на Украинѣ въ то время было гораздо хуже и ужаснѣе
положенія поляковъ; постигшая ихъ участь была печальнѣе
участи послѣднихъ. Убіиства крестьянами евреевъ, говоритъ
г. Шульгинъ ²⁾, происходили чаще убійствъ шляхты. Особенно
часто они рѣшались на убійство евреевъ, будучи пьяными. Уби-
вать евреевъ было какъ-бы обязательно. Евреи не знали, куда
дѣваться. Никто не хотѣлъ защищать ихъ отъ бушевавшей
толпы. Евреи арендаторы вовсе не могли рассчитывать на по-
щаду. Поляки скорѣе могли, говоритъ другой историкъ гайда-
мачины ³⁾, спастись, чѣмъ евреи, потому что поляки находили
защиту и въ своихъ замкахъ, и въ своемъ вооруженномъ дво-

¹⁾ Вся эта тирада объ архимандритѣ Мелхиседекѣ не вѣрна: Изъ Ар. Ю.
З Р., ч. I т. II, можно наглядно убѣдиться, что арх. М. не только не былъ „глав-
нымъ виновникомъ гайдамацкихъ звѣрствъ“, но уже за два года до коліивщины не
жилъ въ вѣрѣ (стр. ССVIII—ССIX).—*Ред.*

²⁾ Очеркъ коліивщ. по издан. и неизд. документамъ.

³⁾ Мордовцевъ. Гайдамачина.

ранствѣ и, наконецъ, въ городской милиціи¹⁾), въ которой начальниками были поляки. За то евреи остались совершенно беззащитными. Много уже евреевъ успѣло погибнуть, пока гайдамаки двигали свои нестройныя массы отъ Смѣлы до Лисянки. Вдали представлялись еще большіе ужасы и поголовная смерть всему еврейскому населенію. Обремененные большими семействами, въ особенности бѣднѣйшіе изъ нихъ, не имѣли даже возможности куда-нибудь бѣжать. Самыя гайдамацкія пѣсни говорятъ, что имъ было легче справляться съ жидами, чѣмъ съ поляками, и гайдамаки прямо говорятъ, что они всѣмъ имъ снимутъ головы, начиная Борухомъ и кончая Нохимомъ. Вотъ каковъ былъ мартирологій евреевъ на Украинѣ тогда. Было-ли это по заслугамъ—вотъ вопросъ, который напрашивается на разрѣшеніе. Я, быть можетъ, возвращусь еще къ этому вопросу, а пока перейду къ переводу вышеупомянутаго еврейскаго документа. Авторъ, повидимому, ведетъ свой рассказъ съ той минуты, когда Желѣзнякъ пожелалъ помѣряться силами съ Потоцкими, тогдашними владѣльцами Умани, и съ этой цѣлью онъ повернулъ свой отрядъ по направленію къ Умани, куда, въ добавокъ, влекло его богатство города. Вотъ содержаніе документа²⁾).

¹⁾ Это очевидное недоразумѣніе; при польскомъ режимѣ не существовало на Украинѣ никакой *городской милиціи*.—Ред.

²⁾ Предлагаемый г. Галантомъ еврейскій мемуаръ о коліившичѣ, конечно, представляетъ интересный матеріалъ для исторіи этого событія, какъ сводъ преданій и взглядовъ еврейскаго населенія края. Мы, однако, полагаемъ, что издатель признаетъ за нимъ слишкомъ серьезное значеніе, утверждая, что мемуаръ этотъ превосходитъ всѣ другіе, понинѣ издаваемые, точностію и обстоятельностью изложенія. Мемуары: Младановича, г-жи Кребсъ и безыменнаго Базиліяна написаны несомнѣнно очевидцами событій, между тѣмъ какъ изъ текста еврейскаго мемуара не видно, чтобы авторъ его былъ „печальнымъ зрителемъ разыгравшейся трагедіи“; напротивъ того, нѣкоторыя извѣстія ясно указываютъ, что составитель мемуара находился вдали отъ территоріи, гдѣ разыгрывалась трагедія и собиралъ лишь рассказы объ отдѣльныхъ эпизодахъ, ходившіе среди евреевъ; такъ на примѣръ, весь рассказъ объ усмиреніи гайдамаковъ и вазни Гонты совершенно фантастиченъ; авторъ приписываетъ дѣйствія полковника Гурьева—Ксаверію Браницкому и полагаетъ, что гайдамаки были усмирены польскими войсками, по инициативѣ бродскихъ евреевъ, воздѣйствовавшихъ съ этой цѣлью на Браницкаго. Притомъ авторъ мемуара чело-вѣкъ мало развитой и потому сообщаетъ многія свѣдѣнія или неясно и сбивчиво—

„Господи Милосердный! Доколѣ Ты будешь спокойно взирать на несчастья, постигающія Твой избранный народъ... Это бѣдствіе стоило жизни очень многимъ евреямъ... Ибо одинъ буянъ¹⁾ изъ Тетіева явился въ городъ²⁾ и умертвилъ болѣе четырехсотъ человекъ. Затѣмъ они (?) принялись за находившихся въ городѣ евреевъ и истребили ихъ въ количествѣ 5,000 человекъ... Многие хотѣли купить себѣ жизнь цѣною дорогого выкупа, но это не помогло; и кто только могъ бѣжать—бѣжалъ. Первою несчастною жертвою сдѣлалась женщина, гнавшая на разсвѣтѣ въ поле скотъ. Буянъ, наткнувшись на нее, ударилъ ее своимъ ножомъ. Свидѣтельницей этого страшнаго зрѣлища была другая женщина торговка. Охваченная ужасомъ, она стремительно бросилась къ находившимся въ городѣ евреямъ... Послѣдніе, убѣдившись въ неизбежности своей печальной участи, рѣшили не отступать, хотя-бы пришлось погибнуть³⁾. Городской канторъ, предвидя близкую смерть, побѣжалъ въ микву⁴⁾, облачился, какъ для молитвы подобаешь, плача и вопя, сталъ исповѣдываться. Встрѣтившись съ буяномъ,

какъ на примѣръ эпизодъ объ истребленіи евреевъ у г. Балты, или безъ всякой критики весьма наивно помѣщаетъ слухи и догадки, ходившіе среди евреевъ, которые онъ выдаетъ за факты, но которыхъ онъ не могъ бы знать, еслибы они и происходили въ дѣйствительности и еслибы авторъ и проживалъ въ Умани во время катастрофы; таковы, на примѣръ, свѣдѣнія о совѣщаніи Гонты съ Желѣзнякомъ, о секретной перепискѣ Гонты съ Младановичемъ и т. п. Мы также не согласны съ мнѣніемъ г. Галанта, относительно объективнаго настроенія автора мемуара, который, по его мнѣнію, написанъ „безъ всякихъ предвзятыхъ тенденцій и собственной личной окраски“. Для всякаго читателя ясно, что авторъ смотритъ на происшествія исключительно съ точки зрѣнія интересовъ своихъ единоплеменниковъ, естественно скорбитъ о постигшемъ ихъ горѣ и утрируетъ вслѣдствіе личнаго возмущенія, какъ бѣдствія, постигшія его единовѣрцевъ, такъ и доблестное ихъ поведеніе: стойкость, мужество и т. п. — *Ред.*

¹⁾ Въ жаргонномъ текстѣ, съ котораго мы переводимъ, написано др. еврейское слово *roschas*, что значитъ легкомысленный, легкоумный, буянъ; послѣднимъ значеніемъ я всюду буду переводить приведенное еврейское слово.

²⁾ Надо полагать, что рѣчь идетъ тутъ или о Звенигородѣ, или о Лисянѣхъ.

³⁾ О томъ, что евреи твердо рѣшили не покидать города, хотя-бы съ опасностью для жизни, мы находимъ неоспоримыя доказательства и у другихъ историковъ. Мордовцевъ. Гайдамачина; Оп. бѣд. пост. Умань и Украйну. „Кіев. Стар.“ 1882 г. Мартъ.

⁴⁾ Нѣчто въ родѣ купалень, гдѣ благочестивые евреи предъ молитвою совершаютъ надъ собою обрядъ омовенія тѣла.

онъ выхватилъ у него ножъ, и своими руками закололъ себя, свою жену и дѣтей. Въ понедѣльникъ, 5 Тамуза ¹⁾, буяны подошли къ Умани. Въ то время за городомъ находилось до четырехсотъ возовъ, полныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые и пали отъ руки буяновъ ²⁾. Находившіеся въ городѣ евреи, понимая угрожающую имъ опасность, стали вооружаться для обороны города ³⁾. Проникши въ замыселъ евреевъ и убѣдившись, что ему придется считаться съ крупною силою, разбойникъ ⁴⁾ Гонта пустился на хитрость: онъ написалъ городскому раввину письмо, въ которомъ слезно умоляя (о чемъ?), обѣщаетъ евреямъ свои услуги и покровительство. Хитрость вполнѣ удалась. Прочитавши письмо, раввинъ повѣрилъ словамъ Гонты, что такимъ способомъ (какимъ?) легко будетъ отдѣлаться отъ опаснаго врага. Раввинъ выразилъ Гонтѣ свою искреннюю благодарность за его благорасположеніе къ евреямъ и отъ себя обѣщалъ ему большіе подарки. Тогда-же онъ и просилъ: Прими насъ подъ защиту, мы же дадимъ каждому изъ твоего отряда по парѣ одеждъ; обманывать тебя не станемъ. А вельможа нашъ сдѣлаетъ и тебя вельможей и подаритъ тебѣ много селъ и деревень ⁵⁾. Гонта,

¹⁾ Дата по христіанскому лѣтоисчисленію не обозначена; приблизительно начало іюня.

²⁾ Печальная участь, постигшая Лисянку, навела паническій страхъ на все польское и еврейское населеніе Украйны, которое стало искать себѣ убѣжища въ Умани, какъ мѣстѣ болѣе безопасномъ; но городъ, не смотря на обширные свои размѣры, не могъ вмѣстить въ себѣ возростающаго все болѣе и болѣе количества бѣглецовъ, почему около 6,000 человекъ расположились таборомъ у лѣска Грекова, около Умани, и всѣ погибли. Свальковскій. Ист. Нов. Сѣчи; Навзды Гайдамакъ.

³⁾ Евреи боролись съ рѣдкимъ мужествомъ, поражавшимъ даже и поляковъ и Шафранскій, жалуясь на бездѣятельность и беззаботность послѣднихъ, ставилъ имъ въ примѣръ первыхъ, мужественно оборонявшихъ городъ и не покидавшихъ своихъ постовъ. Зап. Кребсъ; зап. Липномава.

⁴⁾ Въ жаргонномъ документѣ написано др.-ев. слово *goshco*, что значитъ нечестивецъ, виновный; на жаргонномъ-же нарѣчій подъ этимъ словомъ принято разумѣть жестокосердаго человека, разбойника. Очевидно, что мемуаристъ былъ особенно возмущенъ противъ главныхъ зачинщиковъ колѣвщины, т. к. ихъ *угощаетъ* болѣе острымъ и рѣзкимъ эпитетомъ.

⁵⁾ Мѣсто это объ измѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, о желаніи евреевъ измѣнить городу, поражаетъ своимъ противорѣчіемъ собственному разсказу автора о твердомъ намѣреніи евреевъ не покидать города и разсказамъ др. мемуаристовъ объ оборонѣ и сдачѣ города.

какъ оказалось, задумалъ злой умыселъ. При совѣщаніи его съ Желѣзнякомъ, какъ овладѣть городомъ, послѣдній совѣтовалъ повлѣяться въ искренности, и городъ-де сдастся. Гонта послѣдовалъ совѣту Желѣзняка. И вотъ за три дня до вступленія въ городъ онъ ложно присягнулъ взять евреевъ подъ свое покровительство; благодаря-то сему и было умерщвлено нѣсколько тысячъ евреевъ. Въ понедѣльникъ буяны подступили къ городу и произвели страшный шумъ; было рѣшено войти въ городъ къ вечеру. Тогда выстрѣлили изъ пушекъ, и городскія ворота были заперты. Въ ту самую ночь къ городу подошли (откуда) нѣсколько тысячъ (!) евреевъ, и всѣ были перерѣзаны буянами. Во вторникъ, во время завтрака, они расположились близъ города. Желѣзнякъ посовѣтовалъ Гонтѣ попытать счастье и написать комиссару города ¹⁾ письмо: напрасно ты споришь съ нами; впоследствии ты самъ останешься въ дуракахъ. Развѣ ты не знаешь, что послѣдовалъ царскій указъ, повелѣвающій казнить всѣхъ евреевъ, находящихся въ Польшѣ; въ виду этого, не сопротивляйся и выдай намъ евреевъ. Во всякомъ случаѣ, впусти насъ въ городъ, а мы поставимъ тебя начальникомъ надъ нами. Это письмо, дѣйствительно, произвело желанное впечатлѣніе. Комиссаръ рѣшилъ, что для него рискованно возстановлять противъ себя Гонту по тому соображенію, что если непріятель овладѣетъ городомъ, тогда ни ему, комиссару, ни магнатамъ не будетъ пощады. И вотъ комиссаръ рѣшилъ сдать Гонтѣ безъ всякаго сопротивленія, что де расположить Гонту въ его пользу ²⁾. Но *магнаты* ³⁾, ксендзы и студенты ⁴⁾ иначе отнеслись къ миролюбивымъ заявленіямъ Гонты. Они стали у стѣнъ города и еще усерднѣе продолжали вооружаться. Чтобы

¹⁾ Уманскій губернаторъ Младановичъ.

²⁾ Слово *магнаты* очевидно должно отнести къ неточности перевода. Вѣроятно составитель мемуара имѣлъ въ виду шляхтичей. Никто изъ польскихъ магнатовъ въ данное время въ Умани не присутствовалъ.—*Ред.*

³⁾ На крайне предосудительный и безчеловѣчный поступокъ Младановича, желавшаго купить себѣ жизнь цѣною гибели столькихъ несчастныхъ евреевъ, никто изъ мемуаристовъ еще не указалъ.

⁴⁾ Ученики базилианскаго училища.

показать Гонтѣ, что безъ бою городъ не сдастся, и что для защиты его потребуютъ всѣ средства, на сколько это будетъ возможно, осажденные въ городѣ стали стрѣлять въ непріятеля. Затѣмъ всѣ разошлись. Евреи-же стеклись въ синагогу и стали умолять Всевышняго сжалиться надъ ними, ради невинныхъ и безгрѣшныхъ дѣтей. Комиссаръ-же сѣлъ на лошадь и, обнаживъ саблю, сталъ разгонять собравшихся у воротъ города евреевъ и *магнатовъ*. „Не стрѣляйте, сказалъ онъ, ибо я заключилъ съ ними перемиріе“. Узнавъ это, буяны еще ближе придвинулись къ городу. Панъ Марковскій¹⁾, видя это, съ крикомъ набросился на комиссара, желавшаго открыть непріятелю ворота... Ибо стоило только пану Марковскому захотѣть, и ни одной разбойничьей ноги не осталось-бы (?). Ты хочешь, говорилъ онъ комиссару, чтобы весь міръ плакалъ и проклиналъ тебя. Убѣдившись, что слова его не подѣйствовали на комиссара, панъ Марковскій прибѣжалъ къ городскимъ воротамъ съ тѣмъ, чтобы стрѣлять въ буяновъ. Но сюда поспѣшилъ комиссаръ и, желая лишить пушку возможности стрѣлять, заклепалъ ее. Тогда разъяренная толпа съ страшнымъ шумомъ ворвалась въ городъ. Началась ужасная рѣзня. Со всѣхъ сторонъ текли ручьи крови; были слышны только раздирающіе душу крики тѣхъ, которыхъ рѣзали и которые умирали, проклиная Гонта. Со времени основанія Польши не было еще такого несчастья, причинявшаго такую мучительную смерть столькимъ полякамъ и евреямъ. Прежде всего они стали рѣзать евреевъ, и никому не давали пощады. Насчастныя дѣти умоляли разбойниковъ дарить жизнь ихъ родителямъ. Гонта велѣлъ умертвить ихъ за это жесточайшимъ способомъ. Всѣхъ дѣтей связали, колесовали и лошадьми ихъ растоптали. Затѣмъ поймали они одну необыкновенной красоты дѣвушку—отца ея звали рабби Моисей святой—и стали ее принуждать креститься, обѣщая подарить ей жизнь. Но она въ страшномъ гнѣвѣ стала говорить своимъ мучителямъ: „Изверги, какъ смѣете вы принудить меня на такой

¹⁾ Хорунжій Марковскій не соглашался отпереть ворота, но Младановичъ настаивалъ. Зап. Тучапскаго.

отвратительный поступокъ; я предпочитаю лучше умереть“. Ее привели къ колодезю ¹⁾ и указали на набросанную туда кучу убитыхъ... Они стали точить свои ножи, чтобы заколоть ее. Стоявшая невдалекѣ мать ея всячески ее ободряла и говорила: „Такъ, такъ, дочь моя, не забывай своего Бога, Бога дорогихъ предковъ нашихъ“. Буяны схватили и бросили ее живую въ колодезь...

Оставшіеся въ городѣ евреи сошлись въ синагогу, желая найти убѣжище отъ лютаго врага. Многие задабривали буяновъ деньгами и подарками; но тѣ, получивъ деньги, ихъ все таки убили. Всѣ горько плакали и рыдали. Собравшіеся въ синагогѣ евреи стали вооружаться. Среди нихъ былъ одинъ еврей, извѣстный подъ именемъ рабби Лейбъ Шарогородскій. Онъ воспылалъ гнѣвомъ, месть закипѣла въ немъ и, схвативъ мечъ, онъ поразилъ имъ больше двадцати человекъ. Другой еврей закололъ ножомъ своимъ нѣсколькихъ человекъ. Буяны, убѣдившись, что такимъ образомъ (?) трудно овладѣть евреями, подкатили къ синагогѣ пушку и выстрѣлили. Стѣны съ грохотомъ повалились... Это было въ понедѣльникъ передъ вечеромъ. Нѣсколько тысячъ евреевъ погибло внутри и возлѣ синагоги ²⁾. Одна несчастная женщина, обезумѣвшая отъ охватившаго ее ужаса и волнуемая страхомъ видѣть своихъ нѣжно любимыхъ дѣтей растерзанными, бросилась въ рѣку и утонула. Во все это время буяны предавались необыкновенному пьянству и обжорству; все же имущество города было ими разграблено. Затѣмъ они отправились въ ратушу и созвали туда всѣхъ оставшихся въ городѣ купцовъ. Здѣсь обѣщали имъ жизнь, если только они добровольно отдадутъ все свое имущество. Купцы повѣрили и принесли что получше изъ вещей: золото, серебро и разныя дорогія украшенія. Когда все было снесено, ихъ стали подвергать жесточайшей смерти: схва-

¹⁾ Это, конечно, тотъ рововой колодезь, о которомъ Тучапскій говоритъ, что онъ былъ глубиною въ 200 сажень, и весь онъ былъ наполненъ трупами. Зап. Тучапскаго.

²⁾ Тучапскій говоритъ, что болѣе страшныя жестокости обрушились на евреевъ. Они плавали въ собственной крови, безъ рукъ, безъ ушей, безъ ногъ, обнаженные, и сами просили, чтобы ихъ убивали. Зап., Тучапскаго

тывали ихъ за бороды и пейсы, и съ высоты ратуши бросали внизъ съ такой силой, что кости разлетались. Уманскій еврейскій проповѣдникъ, будучи очевидцемъ страшнаго бѣдствія, обрушившагося надъ его несчастными единовѣрцами, спрятался со всѣмъ своимъ семействомъ въ погребъ, надѣясь избѣжать хоть такимъ образомъ неминуемой смерти; но несчастный горько обманулся: одинъ буянь забрался въ погребъ и однимъ взмахомъ топора отрубилъ ему голову... Затѣмъ погибло еще много мужчинъ и женщинъ; убитымъ и раненымъ не было счета... Уцѣлѣвшіе евреи побѣжали въ синагогу ¹⁾ и, раскрывъ свитокъ Торы, стали умолять Бога сжалиться надъ ними. Но буяны явились и туда. Разложивъ на полу свитокъ Торы, они стали топтать его ногами и рѣзать на немъ евреевъ. Многіе сами предпочли умереть за святыню; другіе бросались подъ ножи буяновъ; третьи самихъ себя или другъ друга закалывали... Нѣкій рабби Гиршъ канторъ сказалъ: „Братья! Я съ радостью готовъ лишиться себя жизни, но, Богъ вѣсть, удостоимся ли мы быть погребенными, такъ какъ буяны, повидимому, ни одного изъ насъ не оставятъ въ живыхъ“... Рѣзня была такъ велика и ужасна, что кровь зарѣзанныхъ стояла въ синагогѣ выше пороговъ ²⁾... Потомъ буяны вынесли изъ синагоги всѣ свитки Торы, разложили ихъ по улицамъ города и верхомъ проѣзжали по нимъ... Трупы убитыхъ евреевъ десятками (не гипербола ли это?) тысячъ валялись по городу... Ихъ подвергали мучительнымъ истязаніямъ: рубили, кололи, четвертовали и колесовали, они же съ радостью принимали смерть, а Богу своему все таки не измѣнили... Малютокъ отрывали отъ груди своихъ матерей и колесовали ³⁾... Одинъ буянь закололъ на одномъ чурбанѣ нѣсколько сотъ евреевъ... Дѣти пострадали за грѣхи своихъ отцовъ и матерей.

¹⁾ Въ Умани было, повидимому, нѣсколько синагогъ, т. е. одна, какъ сказано выше, было раньше еще разрушена.

²⁾ Въ одной синагогѣ перерѣзали ихъ, по словамъ Тучапскаго, больше трехъ тысячъ человѣкъ. Зап. Тучапскаго.

³⁾ *Разсказъ о колесованіи*, очевидно, одно изъ преувеличеній, которыми переполненъ разсказъ; для колесованія необходимо было построить особую машину и запастись опытнымъ палачемъ, что наврядъ-ли мыслимо среди описаннаго порывистаго избіенія. — *Ред.*

Валявшіеся трупы бросали за лишъ (?) отъ города; ручьи крови всюду виднѣлись. Трупы сдѣлались добычей свиней и собакъ. Рѣзня эта продолжалась восемь дней. Спустя нѣсколько времени, Гонта объявилъ приказъ, что никто не смѣетъ скрывать у себя еврея; кто ослушается, голова того будетъ разсѣчена. Около восьмидесяти вооруженныхъ человѣкъ, незамѣтно пробрались въ одинъ погребъ, намѣреваясь укрываться отъ бдительнаго ока непріятеля. Всякаго буяна, попытавшагося туда проникнуть, убивали. Буяны, видя, что такъ имъ не овладѣть погребомъ, принесли соломы, зажгли ее и бросили въ погребъ, отчего всѣ находившіеся въ погребѣ погибли въ мучительныхъ страданіяхъ. Многие искали себѣ убѣжище среди огромныхъ камней, покрывавшихъ сосѣднія поля, но и изъ нихъ никто не уцѣлѣлъ. Такимъ образомъ (какимъ ?) они закалывали и дѣтей. Мучимые страшнымъ голодомъ, приходили они къ своимъ палачамъ просить хлѣба; хлѣба имъ дѣйствительно давали, но сейчасъ-же и убивали. Словомъ, напрасно я напругу свои усилія описывать вамъ весь ужасъ обрушившагося на насъ несчастья... Было пролито столько невинной крови, что слѣды ея виднѣлись далеко за городомъ. По вступленіи въ городъ Гонта велѣлъ вогнать въ костелъ всѣхъ *магнатовъ*, должностныхъ лицъ и комиссара ¹⁾. Вокругъ костела поставили многочисленную стражу оберегать всѣ входы и выходы. Гонта приказалъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не могъ ускользнуть. Нѣкоторые изъ магнатовъ обратились къ стоявшему среди нихъ комиссару съ ѣдкой насмѣшкой: „Ты, вѣдь, доброжелатель нашъ и съ Гонтой очень друженъ; посоветуй-же, какъ намъ избѣгнуть теперь неминуемой смерти“. Но комиссаръ растерянно молчалъ; признавалъ онъ, что и его конецъ близокъ. Вошедши въ костелъ, Гонта схватилъ поблѣднѣвшаго комиссара, набросилъ ему арканъ на шею, и самымъ позорнымъ образомъ вывелъ его изъ костела: Гонта нарушилъ данную клятву. Всѣ магнаты были умерщвлены. Комиссара раздѣли до нага, набросили ему на

¹⁾ По мнѣнію польскихъ мемуаровъ, губернаторъ Младановичъ, исполненный досады и отчаянія, самъ отправился въ костелъ. Зап. Липомана; Зап. П. Младановича; Зап. Тучапскаго.

шею веревку и въ такомъ видѣ водили его по всѣмъ улицамъ города. Затѣмъ ввели его въ одинъ домъ, и Гонта далъ ему стаканъ меду говоря при этомъ: „Пей, скорѣе! Подарокъ этотъ предподноситъ тебѣ твое любимое чадо“. Гонта сѣлъ и всячески издѣвался надъ смущеніемъ комиссара. „Ты, вѣдь, клялся пощадить меня, сказалъ съ укоромъ комиссаръ Гонтѣ“. — „И ты вѣдь измѣнилъ своему слову, данному евреямъ, не выдавать ихъ мнѣ“, гнѣвно отвѣтилъ Гонта. „За клятвонарушеніе одно тебѣ вознагражденіе — смерть“! Явился буянь, и комиссаръ палъ мертвымъ ¹⁾. Они оставались въ городѣ до тѣхъ поръ, пока все не было расхищено ими. Затѣмъ буяны разсѣялись по близъ лежащимъ деревнямъ, желая лишить евреевъ возможности спасенія. По дорогѣ буяны наткнулись на сто возовъ евреевъ. Послѣдніе отъ страшнаго испуга не знали, куда дѣваться и, обезумѣвъ отъ обуявшаго ихъ ужаса, бросились въ рѣку, и всѣ утонули. Были тамъ въ то время два брата очень благочестивыхъ. Многіе совѣтовали имъ спастись бѣгствомъ, но они наотрѣзъ отказались и предпочли умереть лучше вмѣстѣ съ своими несчастными единовѣрцами. Два буяна приступили къ братьямъ, отняли имѣвшіяся у нихъ деньги, приговаривая: „переночуйте тутъ, а завтра утромъ мы переправимъ васъ черезъ рѣку“. Ночью буяны вошли къ нимъ въ комнату, одного сейчасъ закололи, а другому, попытавшемуся бороться съ ними, вонзили кинжалъ въ грудь. Недовольствуясь этимъ, они вбили ему колъ въ голову. Окровавленный, издавалъ онъ такіе раздирающіе душу крики, что было слышно далеко за городъ. Евреи, искавшіе спасенія въ бѣгствѣ въ Балту, преслѣдуемые мечемъ Гонты ²⁾, были настигнуты буянами не далеко отъ Балты, въ коли-

¹⁾ Разсказанный тутъ фактъ личной расправы Гонты съ губернаторомъ Младановичемъ отчасти подтверждается, отчасти опровергается другими мемуаристами Зап. Тучалскаго; Зап. П. Младановича.

²⁾ Несомнѣнно, что тутъ рѣчь идетъ о другомъ героѣ движенія коліевъ, не участвовавшемъ, правда, въ Уманской рѣзнь съ Гонттой и Желѣзнякомъ, но расправлявшемся съ поляками и евреями въ другихъ мѣстностяхъ Украйны, между прочимъ преслѣдовавшемъ евреевъ послѣ бѣгства ихъ въ Балту. Я говорю о Неживомъ. Костомаровъ. Мат. для ист. кол.

чествѣ 70 человекъ; между ними были евреи изъ-подъ Занковы (?) При видѣ грозныхъ враговъ, они отъ испуга окаменѣли и не могли двинуться съ мѣста. Одинъ грекъ предложилъ купить себѣ жизнь деньгами. Евреи отдали имъ имѣвшіеся у нихъ 300 дукатовъ. Другой грекъ велѣлъ имъ сбросить съ себя одежду, и когда требованіе это было исполнено, ихъ всѣхъ умертвили. Это произошло 4 Тамуза ¹⁾. Все мѣсто было усыяно валявшимися трупами. Одинъ турокъ верхомъ прискакалъ въ городъ и рассказалъ евреямъ обо всемъ, случившемся за городомъ. Евреи стали совѣщаться, какъ отдать послѣдній долгъ убитымъ и похоронить ихъ. Они отправились къ старшему (какому?) и предложили ему 500 талеровъ за разрѣшеніе похоронить убитыхъ. Старшій согласился, а для защиты ихъ отъ бродившихъ повсюду буяновъ, послалъ съ ними двадцать турокъ. Два еврея, переодѣвшись турками, сопровождали ихъ. Среди кучи убитыхъ они нашли одну изувѣченную женщину, которая едва слышнымъ голосомъ рассказала имъ о происходившей ужасной рѣзнѣ. Ее перевели въ городъ, гдѣ она вскорѣ и скончалась. Искавшіе спасенія въ Балтѣ жестоко обманулись. Гонта послалъ за ними въ погоню нѣсколько пушекъ и 500 человекъ, подъ начальствомъ одного старшаго, по имени Шила ²⁾, видъ котораго производилъ впечатлѣніе кровожаднаго звѣря. По вступленіи въ городъ они предавались пьянству и обжорству. Шило послалъ четырехъ человекъ узнать, съ какою силою ему придется тутъ считаться. По дорогѣ они натолкнулись на двухъ юношей, которыхъ и хотѣли убить. На помощь юношамъ явился старшій (?), и буяны, получивъ съ него деньги, выпустили свою добычу. „Кто послалъ васъ сюда“, обратился старшій къ нимъ съ вопросами.—„Мы посланы сюда для того, чтобы во всей Польшѣ не оставить въ живыхъ ни еврея, ни поляка“, отвѣтили они. Въ такомъ случаѣ, сказалъ стар-

¹⁾ Сюда вкралась, конечно, ошибка: должно быть 14 Тамуза.

²⁾ По словамъ нѣкоторыхъ историковъ, Шило, дѣйствовавшій и раньше вполне самостоятельно независимо отъ гайдамацкихъ шаекъ, по взятіи Умани, бросился на Балту, куда влекло его извѣстіе, что многіе евреи и поляки нашли тамъ убѣжища и онъ самъ отправился за ними въ Балту.

шій, я не выдамъ вамъ ни одного изъ нихъ; безъ вѣдома турка (?) я не могу бросить ихъ на произволь. Если даже вы представляете собою царскую рать, то и тогда, согласно существующимъ законамъ, вы безъ разрѣшенія не смѣете близко подходить къ городу (?). Буяны хранили глубокое молчаніе; они все обдумывали, какъ имъ все-таки овладѣть евреями. Пробыли они въ городѣ три дня, въ теченіе которыхъ предавались непрерывнымъ попойкамъ и кутежамъ. Во все это время евреи нисколько не пострадали. Начальникъ города всячески ободрялъ и утѣшалъ евреевъ, обѣщая защищать ихъ до послѣдней возможности. „Татары (?) тоже скоро явятся на помощь вамъ“,—говорилъ онъ. Начальникъ одновременно принималъ подарки, какъ отъ евреевъ, такъ и отъ буяновъ, отъ чего евреи совершенно потерялись и пали духомъ, видя въ этомъ (въ чемъ?) кару Божію за то, что они, имѣя возможность бѣжать, оставались, однако, цѣлыхъ три дня въ одномъ городѣ съ буянами. Въ четвергъ татары въ количествѣ 80 всадниковъ вошли въ городъ. При видѣ татарской рати, буяны испугались и другъ другу говорили, что татары явились съ тѣмъ, чтобы сражаться съ ними. Немедленно отправились они къ своему старшему, совѣтуя ему скорѣе оставить городъ. Въ одну минуту ихъ не стало въ городѣ. Татары вошли въ польскій городъ ¹⁾, и встрѣтились тамъ неожиданно съ христіанами, и татары нѣкоторымъ изъ нихъ отрубили головы. Остальные христіане побѣжали къ буянамъ и рассказали, что татары начинаютъ входить въ Польшу (?!)—Извѣстіе это сильно разгнѣвало буяновъ, и они возвратились, чтобы вступить въ бой съ татарами, а противъ евреевъ они послали нѣсколько пушекъ.—Ожесточенная битва между татарами и буянами продолжалась полдня, въ который нѣкоторые евреи рѣшили уйти изъ города. Евреи-же, возлагавшіе надежды на татаръ, остались въ городѣ, и всѣ погибли. Евреи, убѣжавшіе изъ города, попали въ руки татарамъ, и всѣ были перерѣзаны.

¹⁾ Балта была раздѣлена рѣчкою Кодымою на двѣ половины; изъ нихъ одна, собственно Балта, принадлежала Турціи, другая Іозефгородъ, Цольмъ, эту часть авторъ разумѣетъ подъ названіемъ „польскій городъ“.—*Ред.*

(Татары отомстили евреямъ, вѣроятно, за малодушіе и за постыдное бѣгство изъ города). Многіе дѣйствительно спаслись, но все ихъ имущество погибло... Ужасныя муки и пытки, которымъ подвергались евреи, не поддаются буквально никакому описанію. Евреи, убѣжавшіе въ татарскія земли, по прибытіи въ Бендеры, были взяты въ плѣнъ. Многія отъ истощенія и безсилія погибли въ дорогѣ; нѣкоторые умерли отъ голода и жажды; часть утонула въ Днѣстрѣ, а несчастный остатокъ былъ взятъ въ плѣнъ и исполнялъ тяжелыя работы на барщинѣ. Евреи, жители другихъ городовъ, не переставали надѣяться, что Богъ рано или поздно отомститъ разбойникамъ за невинно пролитую кровь. Это (?) продолжалось три недѣли, втеченіе которыхъ во всей Украинѣ и Побережьѣ не осталось ни одного еврея, ни поляка. Послѣ всего этого, буяны рѣшили увеличить свои силы, умножить свои пушки и отправиться войною на Польшу съ цѣлью истребить всѣхъ евреевъ и поляковъ и опустошить всю польскую землю. Бродскіе евреи, узнавъ о несчастьѣ, обрушившемся надъ украинскими евреями, отправились въ Шаргородъ къ генералу Браницкому¹⁾ и стали умолять его прекратить злодѣйства и заступиться за несчастныхъ евреевъ, обрекаемыхъ на жестокія муки и страданія. Генераль внялъ мольбѣ евреевъ; утѣшалъ ихъ и обѣщаль воздать буянамъ по заслугамъ²⁾. Съ этой цѣлью онъ двинулъ туда свои войска. Генераль отправилъ въ Умань нѣсколько сотъ человекъ, приказавъ имъ пробраться незамѣтно въ городъ. Вступивши въ городъ, генеральское войско отнеслось очень дружелюбно къ находившимся тамъ буянамъ и вмѣстѣ съ ними предавалось необыкновенному пьянству. Генеральское войско похвалило буяновъ за то, что они такъ ловко расправлялись съ евреями, и обѣщало при этомъ, что какъ только въ городъ войдутъ ожидаемыя войска, они вмѣстѣ произведутъ поголовную рѣзню евреевъ. Генераль велѣлъ приготовить веревки и висѣлицы. Со своими остальными войсками вошелъ онъ въ городъ послѣ; нѣсколько

¹⁾ Ловчій коронный Ксаверій Браницкій.

²⁾ По словамъ историковъ, Браницкій въ своемъ желаніи укротить гайдамацкія звѣрства имѣлъ въ виду совершенно другія комбинаціи.

сотъ челоѣкъ подѣ предводительствомъ одного полковника ¹⁾ еще раньше генерала вошли въ городъ. При видѣ страшной картины опустошенія и убѣдившись, что буяны намѣрены производить новыя безчинства и насилія надъ евреями, полковникъ вспылить и съ негодованіемъ крикнулъ на нихъ: „Кто позволилъ вамъ такъ жестоко убивать несчастныхъ евреевъ?!“ Понявъ, что полковникъ не шутить, буяны обратились было въ бѣгство, но немедленно были задержаны и перевязаны. Съ ожесточеніемъ и лютой яростью полковникъ сталъ бить и терзать ихъ. „Мало съ васъ было произведеннаго грабежа, вы хотѣли еще опустошить всю Польшу!“ — гремѣлъ голосъ полковника. „Царь не облакалъ васъ властью проливать столько невинной крови“. Затѣмъ генералъ Браницкій приказалъ своимъ донцамъ окружить буяновъ и никому не давать возможности исчезнуть. Донцы съ обнаженными саблями обступили буяновъ. Потомъ принялись за Гонту и причиняли ему неимоверныя страданія. Его заковали въ желѣзныя цѣпи и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ били. Гонта поднялъ отчаянный вопль. „Недостоенъ я пощады, говорилъ онъ, т. к. я всегда былъ безжалостенъ къ стонамъ и мольбамъ дѣвицъ и вдовъ, которыхъ часто закалывалъ“. „Одна несчастная вдова умоляла меня однажды оставить её въ живыхъ; въ отвѣтъ я однимъ взмахомъ ноги выбилъ ей всѣ зубы; по заслугамъ и мнѣ воздадутъ“. Браницкій приказалъ своимъ отрядамъ отправиться въ деревню за возами. Москвичи (москали, вѣроятно) отправились и привезли возы. На каждый возъ помѣстили по шести буяновъ; по дорогѣ они смѣялись и веселились, но какъ только они были приведены въ городъ (какой?), смѣхъ ихъ совершенно прошелъ. Пойманныхъ буяновъ вѣшали по семи въ каждой деревнѣ. Гонту приказано было генераломъ не вѣшать: его сначала подвергали ужаснымъ пыткамъ. Потомъ его заключили въ подземелье, и генералъ послалъ въ Шаргородъ за палачемъ. Когда палачъ явился, созвали всѣхъ евреевъ смотрѣть на печальный конецъ Гонты. Прежде всего съ него

¹⁾ Тутъ рѣчь идетъ о полковникѣ Гурьевѣ. Зап. Липомана; Зап. П. Младановича; зап. В. Кребсъ.

желѣзными гребнями сдирали кожу. Затѣмъ сдѣлали желѣзную корону, сильно накалили и надѣли её Гонтѣ на голову, говоря при этомъ; сегодня мы коронуемъ тебя въ польскіе короли¹⁾. Палачу, для поддержанія и усиленія обуявшаго его звѣрства, давали пить водку. По временамъ палачъ прибѣгалъ и вырывалъ каждый разъ по куску мяса изъ тѣла Гонта. Затѣмъ Гонта былъ на части разрубленъ.

И. В. Галантъ.

¹⁾ О томъ, что Гонтѣ надѣли корону, нѣтъ никакихъ указавій у польскихъ мемуаристовъ, описавшихъ казнь Гонта и предшествовавшія ей обстоятельства. Но на Украинѣ весьма распространено одно преданіе, которое, какъ нельзя больше подтверждаетъ сообщеніе еврейскаго мемуариста. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ м. Борщовкѣ, сквир. уѣзда, на берегу протекающей рѣчки Росъ, возлѣ городскаго кладбища, расположены въ громадномъ количествѣ большіе камни. Среди нихъ выдѣляется одинъ камень, обращающій на себя всеобщее вниманіе. Преданіе объ этомъ камнѣ рассказываетъ слѣдующее. Въ то время, когда Украина страшно страдала отъ движенія гайдамакъ, опустошавшихъ одно селеніе за другимъ, Гонта завернулъ и въ Борщовку, намѣриваясь предать и ее огню и мечу. Вдругъ взоръ его остановился на этомъ камнѣ, и Гонта произнесъ: „Я попытаю свое счастье: если я камень этотъ сдвину съ мѣста и брошу его въ рѣчку, тогда вся Украина будетъ мною завоевана; если-же силы мѣнѣ измѣнятъ, то, значитъ, что моя звѣзда померкла“. И вотъ онъ схватилъ камень, нѣсколько потрясъ его, но сдвинуть его съ мѣста не могъ. „Я усталъ, сказалъ Гонта, отъ дороги; пообедаю и отдохну, и тогда камень сдвинуть будетъ“. Проснувшись, онъ опять подошелъ къ камню, и какъ былъ онъ пораженъ, увидѣвши, что у подошвы камня, отсюда ни возмись, выросъ маленькій клинообразный камень, который какъ бы поддерживалъ огромный камень. Гонта нѣсколько разъ пробовалъ свои силы сдвинуть камень съ мѣста, но трудъ его оказался напраснымъ. Тогда, обмочивъ свою саблю въ рѣчкѣ, Гонта сказалъ: „Довольно! все для меня кончено“—и отошелъ отъ мѣстечка. По дорогѣ онъ былъ схваченъ Браницкимъ. Послѣдній одѣлъ Гонтѣ корону на голову, а затѣмъ умертвилъ.